

ГАРМОНИЯ ЦЕЛЕСООБРАЗНОГО

П. ВОЛОДИН

Советская архитектура переживает сейчас трудную пору.

Переценка ценностей идет так интенсивно, что облик многих только что построенных зданий уже вызывает сомнение. Иной архитектор озабоченно думает сейчас не над тем, как завершить отделку еще недостроенного дома, а о том, как переосмыслить его ранее задуманный пышный убор. Ведь архитектура — это не только мысль и чувство художника, — ее образы охватываются в прочных дорогостоящих материалах.

Всесоюзное совещание строителей в конце прошлого года вскрыло серьезные недостатки в архитектурно-строительном деле. Излишества в проектировании и строительстве, если смеяло взглянуть правде в глаза, были присущи почти всем архитекторам — как маститым, так и недавним выпускникам Архитектурного института.

Стоявшие во главе архитектурных дел А. Морозов, Д. Чувакин, С. Чернышев и другие, озабоченные созданием «уникальных» произведений, отстранялись от решения вопросов массового промышленного строительства. В Союзе архитекторов, в Академии архитектуры, в издательствах и редакциях специальных журналов шел упорный перевод по поводу действительных и мнимых успехов — он звучал в критических статьях и монографиях, усаждал слух именитых авторов на собраниях академии и на совещаниях в Союзе архитекторов.

Болезнь двух десятилетий архитекторы пытались всматриваться в облик старинных дворцов и храмов, пытались разгадать тайны зодческого мастерства. Исследователи архитектуры изучали достижения многовековой давности, забывая о том, что человечество создало не только Афины, Рим, города старой России, — ему принадлежат великий новаторский опыт градостроительства Советской страны.

Стремление к постижению культуры прошлого — стремление здоровое и нужное, пока оно не превращается в слепое преклонение. Но, живя прошлым, архитекторы прилепались к старинным зданиям, к памятникам старины. На улицах городов Урала и Донбасса на фоне шахтных котлов и домен появились дома и клубы, трактованные в духе барских особняков. На магистральных столиц и областных центрах поднимались многоэтажные жилые дома, острые на высоту двух-трех этажей каменные «шубой» и расчлененные затейливыми полами по образцам итальянского Ренессанса. Многие здания наших театров, домов культуры, санаториев и учебных заведений получали «образовательную нагрузку» в форме портретов с тяжелыми фронтонами и карнизами, в виде цулах лентных фризов и других декоративных деталей. Нечто подобное было и внутри зданий.

Придя в свой клуб, советский человек вместо обстановки, располагающей к отдыху и дружеской беседе, попадает в атмосферу парадных помещений, без меры заставленных столами и колоннами. Размещенные олимпийскими и сдвоенными рядами, они делают тесными проходы и затрудняют проникновение света в здание. Здесь можно встретить самые различные причуды. Потолки и стены изрезаны выступами и обильно покрыты лепкой и росписью. И этот изощренный и разносторонний декор должен олицетворять красоту нашей жизни, наши представления о прекрасном.

Прибывая в чужую отстроенный санаторий, мы снова встречаемся с портиками и колоннами, с громадными арками, обитованными глыбами камня. Пройдя несколько дней в таком «дворце отдыха», убеждаешься, что архитектор, отдавший так много внимания внешней представительности, забыл о том, что все эти колонны, каменные лестницы и переходы, раскаленные солнцем, не создают прохлады днем и дышат теплом ночью.

Расточительность, безудержное украшательство в отделке привели к тому, — в магазинах, ресторанах и даже... в зданиях больницы. Недавно в Москве, в высотном доме на площади Востанания (авторы проекта М. Пеховин, А. Мидьян и М. Вохоминский), открылся большой «Гастроном». Здесь тоже много мрамора и бронзы и очень мало подлинной архитектурного мастерства. — Все привалило заветы колоннами, и пробиться к продавцам — не легкое дело. Очень дорого обходится нашему народу подражательность и архитектурные выкрутасы: они вывели переработку средств труда, материалов и, что самое важное, сократили полезные площади в домах, больницах, школах. Мало того, распространение мещанства в архитектуре отнюдь не способствует рождению здоровых художественных вкусов в народе. Глядя на архаические формы зданий, новый советский че-

ловек не чувствует в них простоты и скромности, присущих его образу мыслей. Можно ли почувствовать величие наших дней, глядя на новые здания, воспроизводящие почти в натуральном виде дворцы, виллы, парковые хоромы и культурные сооружения? А ведь именно так поступили Л. Поляков и А. Борейкин при «оформлении» высотной гостиницы на Бомодемской площади в Москве, где рачительство и эклектизм привели к особенно плачевным результатам.

Когда авторы приступили к выполнению проекта, они меньше всего думали о том, чтобы дать гостю столицы удобное помещение за умеренную плату. В их умонастроении и в сознании тех, кто напирал на проектирование, господствовали надуманные представления об ансамбле и силуете застройки. И вот появилось здание столпообразной формы, в котором полезная площадь составляет всего лишь 22 процента. Так архитекторы умудрились сократить и без того дорогую жилую площадь, по крайней мере, в три раза.

А что же получилось с ансамблем и силуэтом? Гигантский столб, увенчанный шпильом и воздвигнутый по соседству с башней Казанского вокзала, породил вечный и бесплодный спор двух вертикалей. Ансамбль — одна из острых проблем архитектурного творчества. Но вот что странно: ансамбль в нашем зодчестве чем-то напоминает жар-птицу. Ансамбль манит к себе автора и вершителя архитектурных судеб города, иной раз кажется совсем близким и... не дается в руки. Каждую новую постройку, воздвигнутый монумент сопоставляют с классическими прототипами, превращают по метрам и ритмам архитектурных образцов и, убедившись, что получили «еще совсем то» или «совсем не то», ждут более счастливого случая. А уродливая улитка или площадь остается жить на долгие годы.

Ведь даже в Москве трудно назвать такую перестроенную или заново созданную площадь или магистраль, где единство архитектурно-художественного облика было бы наглядным и вполне убедительным. Москвитан хорошо известен один из окрестных участков города — перекресток Петровки и Кузнецкого моста. За последние годы здесь произошло нечто совершенно непонятное. Вначале была снежная обвалованная часть здания Мосторга, и казалось, что на этом месте будет выстроено что-нибудь капитальное и гадкая стена универмага будет закрыта. Однако вскоре на площадке появились сквер, он был обрамлен гранитом, и стало ясно, что это сделано надыло.

Через некоторое время были снесены старые здания на другой стороне Петровки. Затем стало известно, что этот отрезок улицы будет расширен и застроен большим торговым зданием. Проезд стал шире, и москвич жаловались, что скоро появится обшарпанное здание и прикроет унылый вид развороченного квартала. Но вот недавно и на Петровке появилась узкая полоса сквера с капитальным ограждением и выросло... небольшое школьное здание, почему-то обращенное боковым фасадом к магистрали. Это самый свежий и наглядный пример того, как мало заботится об ансамбле города руководитель Мосгорисполкома и работники Архитектурного планировочного управления города Москвы.

Очень часто архитекторы, отдавая пыл своей души образному строю произведений, забывали о планировке кварталов, зданиях, дворового участка, об удобстве жилья, поручая разработку конструкций своим помощникам, мало думая об экономических расчетах, о полезности, конструктивно-технической новизне здания. Рост советской строительной индустрии обязывает к пересмотру приемов строительства. Завтра всех наших строок — монтаж домов из укрупненных сборных элементов, изготовленных на заводе. Строительство становится кооперированным производством. Возведение современных зданий уже и сейчас зависит от слаженной работы многих отраслей промышленности, от хорошо организованного строительного процесса.

Обо всем этом должен помнить архитектор, приступающий к проектированию. Ибо техника, новые виды конструктивных решений, строительных и отделочных материалов позволяют возводить удобные, прочные и красивые дома с облегченными стенами и перекрытиями. Железобетон с его беспредельными техническими и пластическими возможностями может послужить созданию новой архитектуры, созданию нового ее стиля,

порожденного современным пониманием красоты. Но в свое время железобетон попал в руки формалистов, и они не извлекли из этого материала и сотой доли его замечательных свойств. Ограниченность творческой мысли привела к убогой практике. До сих пор в наших городах стоят угрюмые ящики, которые надо было считать архитектурой. Народ не признал такого «новаторства», и наша архитектура с легким сердцем вернулась к пластичности и выразительности кирпичной стены. Что говорить, кирпич, этот извечный материал, легко уживается и с глянцевыми стенами русского классицизма и с пыльным нарядом барокко.

Спорный железобетон, основанный новаторами строен еще задолго до войны, с трудом прокладывал себе дорогу. Правда, за последние годы его стали применять шире и более умело. Но только теперь для внедрения сборных изделий из железобетона создан широкий простор.

Вот почему огромное значение приобрел типовой проект, который дает возможность широко использовать сборный железобетон. Но, несмотря на то, что мы занимаемся типовым проектированием уже не первый год, в этом деле укоренилось много недостатков. Крупнейшие архитекторы пренебрегают этим почетным творческим трудом. Многие города страны попрежнему испытывают острую нужду в типовых проектах, которые дали бы возможность вести промышленное строительство. Проекты разрабатываются по разрозненной методике, нет единого подхода и к типам зданий и к их конструкциям.

Разработкой типовых проектов ведают у нас Государственный комитет по делам строительства, но само проектирование осуществляется многими ведомствами. Те, кто строит, — строительные и промышленные министерства и их руководители, — как правило, очень далеки от организаций и лиц, которые непосредственно создают типовые проекты.

Мне кажется, пора создать научно-исследовательский институт типового проектирования который мог бы возглавить это дело в творческом, методическом отношении и направлять усилия многочисленных проектных организаций. Серьезную помощь могли бы оказать открытые конкурсы, в условиях которых были бы оговорены главные принципы типового проектирования.

К сожалению, и Союз архитекторов ограничивает свою роль в деле типового проектирования проведением общественных обсуждений, не внося никаких практических предложений по улучшению всего типового проектирования, во всех ведомствах и организациях, — а ведут типовое проектирование свыше сорока проектных организаций. Понятно, что такая разрозненность отражается на строительстве, дезорганизует работу предприятий промышленности строительных материалов и конструкций. Строителям Москвы хорошо известно, сколько раз пришлось переделывать конвейеры на Московском и Люберецком заводах Гавриловского, потому что каждый проект требовал новых элементов и типов, и на их освоение уходило много времени, упускалось главное преимущество индустриальной стройки — быстрота.

Все это говорит о том, что координация работ по типовому проектированию должна стать одной из главных задач Комитета по делам строительства. Неорганизованность в типовом проектировании приводит к тому, что и планы разрабатываются типовые проекты зданий с пестрым набором конструкций и деталей. В Комитете по делам строительства имеется специальный отдел жилых и гражданских зданий, но его организующая роль в типовом проектировании почти не чувствуется, а между тем возглавить индустриальное строительство, в котором быстрота, экономичность и простота должны быть неразделимыми, должна именно этот отдел.

Прогресс науки и техники, новые методы строительства позволяют создавать в архитектуре больше художественные ценности при большой экономичности и полезности сооружений. Забота о материальных и культурных запросах советского человека должна давать ясное направление всем поискам нового в архитектуре. И не новый стиль можно создать только в содружестве с работниками индустрии, не подменяя красоты украшательством.

Социалистический реализм в зодчестве наших дней — это соединение высоких технических качеств, экономичности с художественной простотой. Жилые и двор, общественные сооружения и обрамляющие их парки, улицы и площади — все, что создается на века для граждан Советской страны, должно быть проникнуто гармонией целесообразного.

В центре Арктики

Снимок закончен: человек в полубоке, меховых рукавицах водружает древко флага на вершине тороса. Тугая струя, чувствуется, морозного ветра развевает талые «молатки», серпантоны пологини, и оно ярко пламенеет на глубокой синеве небосвода. Скоро возле этого тороса раскинутся палатки исследователей, заступят моторы, застрекотят ключи радиостов, посылая в эфир, на родную Большую землю вести еще об одной победе советских людей.

Этот снимок помещен на суперобложке альбома «В центре Арктики», и он удачно отвечает содержанию всей книги. В книге опубликовано более 120 документальных фотографий Я. Рюмкина, повествующих о героических буднях советских авиаторов, ученых, разовых участников высокогорных воздушных экспедиций 1954 года, студников дрейфующих научно-исследовательских станций «Северный полюс-3» и «Северный полюс-4».

Этот альбом, созданный советским журналистом Львом Рюмкиным, — пишет в предисловии Б. Подевей, — как бы приоткрывает окно в далекий, романтичный мир. Вот она перед нами, Арктика, которую в давние пор пытались покорить и изучить смелые русские и иностранные путешественники. Вот они, эти покинутые станции, за дрейфом которых с таким вниманием следил весь мир. Вот они, простые, маленькие и великие советские люди, труженики нашей науки, которым страна поручила разгадать тайны Арктики.

Многие из снимков альбома «В центре Арктики» публиковались в периодической печати, но теперь, собранные в одной книге, они оставляют большее впечатление, яснее дают представление о деятельности «поисковых» людей в высоких широтах, о размахе наших научно-исследовательских работ. В этой документальной — главная ценность альбома.

Вольная статья редактора книги, начальника Главсевморпути В. Бурханова «Советский флаг над льдами океана» рассказывает о месте в истории, о значимости работ дрейфующих станций для народного хозяйства страны.

Давно, пожалуй, около двух десятков лет не издавался у нас подобный книг о Севере, поэтому выход в свет альбома «В центре Арктики», безусловно, следует приветствовать. Но вместе с тем Я. Рюмкина и составителя И. Долганова можно упрекнуть в некоторой нетребовательности к отбору фотографий. Сюжеты, композиции ряда снимков повторяются. Нужно ли было делать так много снимков погрузки и разгрузки самолетов? На четырех снимках изображен один сюжет запуски радиозондов. Отдельные портреты летчиков П. Черевичного, М. Титова, И. Котова сняты в одном ракурсе.

В скором будущем советские исследователи отправятся в Антарктику, где примут участие в работах Третьего международного географического года. Там их ожидают еще большие трудности, нежели те, с которыми они сталкивались в «белой» Арктике. От тех, кому доводится запечатлеть на пленку ход работ антарктической экспедиции, советский читатель ждет развернутого, правдивого повествования, с ее успехами, с ее трудностями. Ведь в этой борьбе раскрываются прекрасные черты советского человека.

Н. БОЛОТНИКОВ

На воздушных трассах

Объекты нашего фоторепортажа запечатлел момент, когда самолет, следующий из Москвы, приземлился в центре Донбасса — в аэропорте города Сталино. Одни пассажиры прибыли сюда в служебную командировку, другие — возвратились из отпуска. Инженер обогатительной фабрики шахты имени И. С. Хрущева, Николай Приходьев благодарит команду воздушного корабля Степана Володина и бортировщика Эмиу Хорунчи за внимание и заботу в пути.

Самолет прочно вошел в быт советских людей. От Калининграда до Курильских островов и Чукотки, от Баренцева моря до высокогорного Памира летают сотни комфортабельных пассажирских кораблей.

В этом году большинство самолетов переоборудовано. В них созданы все условия для удобства пассажиров. К услугам пассажиров — буфеты, газеты, журналы. Не забыты и самые маленькие воздушные путешественники: для них имеются подвесные люльки. В каждом самолете об устройстве пассажиров заботится бортировщик.

В Хабаровске, Красноярске, Чите, Свердловске, Риге, Львове и других городах выстроены благоустроенные аэровокзалы. Значительно увеличилось и движение на дальних линиях: Москва — Хабаровск, Москва — Якутск, Москва — Алма-Ата... Многочисленными рейсами связаны курорты Крыма, Кавказа, столицы союзных республик. Трудящиеся Прибалтики ныне впервые могут пользоваться прямой воздушной трассой с Черноморским побережьем — линией Рига — Адлер.

Налимо ускорено и движение самолетов. Если раньше пассажирский самолет, следующий от Москвы до Усть-Камнегорска, находился в пути более 28 часов, то теперь это время сократилось до 19 часов. От Москвы до Фрунзе самолет затрачивает 29 часов, а сейчас — 18. На десять часов уменьшился путь до Сталинабада.

Фото В. ТЕМИНА

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«ПОЧЕМУ МОЛЧИТ МИНИСТР ПРОСВЕЩЕНИЯ?»

Под таким заголовком в «Литературной газете» 25 августа была опубликована редакционная заметка. Речь в ней шла о том, что Министерство просвещения РСФСР до сих пор не заявило публично о своем отношении к критике общественности постановки физического воспитания детей в школах.

Редакция получила решение партийного комитета Министерства просвещения РСФСР от 26 августа, в котором говорится: «Обсудив заметку «Почему молчит министр просвещения?», партком Министерства просвещения РСФСР считает, что Главное управление школ допустило ошибку, не выступив в газете со статьей об отношении к поставленным вопросам и о мерах, в которых министерства по улучшению физического воспитания школьников. Неоднократные указания министра обсудить выступления газеты и подготовить ответ Главным управлением школ не выполнены.

Партийный комитет постановляет: 1. Считать правильным замечание редакции «Литературной газеты» о том, что Министерство просвещения должно было реагировать на статью, помещенные в газете по вопросу физического воспитания школьников, и что общественность жлет по этому вопросу от министерства ответа. 2. Просить министра просвещения тов. Каирова И. А. обсудить на коллегии вопрос о состоянии и мерах по улучшению физического воспитания в школах и выступить по этому вопросу со статьей в «Литературной газете».

«ЗАПЛАТКА» НА КОРЕШКЕ

Под таким заголовком в № 86 «Литературной газеты» было опубликовано письмо читателя Д. Никитина, в котором автор отмечал небрежность в полиграфическом оформлении Большой Советской Энциклопедии.

Исполняющий обязанности директора Государственного научного издательства «Большая Советская Энциклопедия» И. Громов сообщил редакция, что критика в адрес БСЭ признана правильной. Издавшее БСЭ руководство Первой образцовой типографии на бережном оформлении томов Энциклопедии.

В том же письме Д. Никитина сообщалось о конкретных недостатках в художественном и полиграфическом оформлении ряда подлинных изданий Госиздатгиза. После публикации этого письма прошло несколько месяцев, однако ни Главиздат Министерства культуры СССР, ни Госиздатгиз не сообщили редакции, согласны ли они с критикой и какие меры думают принимать для улучшения качества изданий.

Роман в журнале и в отдельном издании

Издательством иностранной литературы в днях выпущен в свет роман талантливого польского писателя Казимежа Брандыса «Граждане». Этот роман — одно из лучших достижений современной польской литературы. Рассказывая о жизни народной Польши, писатель правдиво и ярко рисует трудности рождения нового, острую борьбу в сознании людей, охватывая большой круг социальных проблем. Произведение это заслуживает отдельного, обстоятельного реферата.

Журнал «Знамя», начавший печатать этот роман в марте («Знамя», № 3, 1955), все еще не окончил его опубликование. Последние главы романа будут напечатаны в сентябрьском номере журнала, то есть спустя семь месяцев после начала печатания. Видимо, вопрос о геомагических дозах печатания литературных произведений продолжает оставаться актуальным.

Искусственный туман в одном из парков Московской области. Фото Ю. Холькина

В МИРЕ НАУКИ

ПРИУЧЕННЫЕ ТУМАНЫ

Однажды — это было во второй половине прошлого столетия — внимание жителей обоих полушарий нашей планеты привлекло необычайное явление: край неба при восходе и заходе солнца стал окрашиваться в яркий красный цвет, издавая различные оттенки. С удивительным постоянством феерические зори повсеместно повторялись не один год.

Причиной этого явления, как затем установили ученые, послужила тончайшая пыль, выброшенная в атмосферу катастрофическим извержением вулкана Кракратуа в 1883 году. Гигантский взрыв уничтожил две трети расположенного в Зондском проливе — между Суматрой и Чью — вулканического острова площадью примерно в тридцать квадратных километров. Вулканическая пыль, поднявшаяся на высоту до 80 километров, висела в атмосфере несколько лет, окутывая весь земной шар.

Но не только необычайные зори были следствием появления в воздухе такой массы вулканической пыли. На большей части земного шара она вызвала также временные изменения в климате — держала солнечные лучи, в особенности — синяла ультрафиолетовую радиацию, способствовала увеличению туманов.

Систематическое изучение атмосферы показало, что в ней постоянно присутствует то или иное количество распыленного вещества самого разнообразного происхождения: различные дымки промышленных предприятий, содержащие твердые частицы, пылевые облака в степных и пустынных районах или же туманы, состоящие из мельчайших капелек влаги.

Эти микроскопические частицы, известные под общим наименованием аэрозолей, имеют огромное значение в жизни человека и природы. Дымки ухудшают микроклимат городов, вредно отражаются на здоровье человека и его бытовых условиях. Все это побудило ученых заняться разработкой способов оздоровления воздуха, очищения его от вредных примесей. Такие работы успешно ведутся и в Советском Союзе.

Круг исследования аэрозолей не замыкается в одной этой области; наоборот, за последнее время он чрезвычайно расширился. Замеченная в природе способность туманов скрывать под влиянием мельчайших частиц вещества, которые служат центрами конденсации, нашла исследователей на мысль попробовать научиться управлять облаками, заставить их «выпадать» дождем по воле человека или рассеивать облака, когда их скопление нежелательно.

Ученые уже провели ряд опытов искусственного образования облаков в дождь, и в некоторых случаях они увенчались успехом. Однако человек еще не в состоянии искусственно вызывать перемещение больших воздушных масс, создавать циклоны и антициклоны, бури и грозы, так как энергия и масштабы этих явлений непомерно огромны.

Но если трудно научиться управлять естественными облаками или туманами, то нельзя ли, по крайней мере, заставить служить на благо человеку искусственные?

Такие искусственные — так сказать, «прирученные» — облака, туманы в промышленности можно видеть, например, в лабораториях профессора А. Амелина, известного своим работами по теории процесса образования туманов. При помощи специальных аппаратов здесь наблюдают ход образования тумана, создают пересыщенные пары в небольших объемах, изучают поведение их частиц в самых разнообразных условиях, определяют скорости образования центров конденсации. Прогоняя полоски тумана через аэродинамическую трубу, следят, как при различных скоростях воздушной струи мельчайшие капельки осаждаются на размещенных в трубе предметах, фотографируют их, фотографируют, выводят расчетные формулы.

А какое практическое значение имеют искусственные туманы и дымки? — Область их применения чрезвычайно обширна: от попытки вмешательства человека в метеорологические процессы до уничтожения амбарных вредителей, — говорит А. Амелин. — Или можно обеззараживать поля, сады, виноградники, посевы хлопчатника, лес. Их можно использовать для подкормки растений, защиты их от заморозков, для химической прополки посевов злаковых растений. Особенно хороши они для обработки закрытых помещений — зернохранилищ, оранжерей, животноводческих построек и т. д.

В мировой практике для защиты сельскохозяйственных растений и животных от вредных насекомых и болезней создано уже большое количество типов туманообразующих машин и аппаратов. И это вполне понятно. Сельское хозяйство всех континентов терпит от вредителей колоссальный урон. В США, по некоторым данным, теряется около тридцати процентов урожая. Потери от вредителей велики и у нас. Между тем, как показывают расчеты, каждый рубль, затраченный на защиту растений от вредителей и болезней, приносит от двадцати пяти рублей дохода в результате увеличения урожая.

Один из отечественных аппаратов для образования искусственных туманов был недавно показан на Московской станции Всесоюзного института защиты растений. Это аэрозольный генератор «АГ-16», сконструированный и построенный инженером В. Степановым. Компактная и маневренная машина позволяет получать туманы с диаметром капель от одного микрона (одна тысячная

доля миллиметра), не видимых глазом, до крупных, отлично видимых капель. Генератор можно установить и на трактор, и в кузов грузовика, а то и на обычную крестьянскую телегу. Машина превращает в туман специфические химические вещества, растворенные в минеральных маслах. Туман обволакивает растение от основания стебля до верхушки. Насекомые, соприкасаясь с микроскопическими капельками этого тумана, погибают.

Ряд образцов туманообразующих машин за последние годы был испытан во многих районах страны против самых разнообразных вредителей. Вот как выглядела, например, предпринятая в прошлом году операция по уничтожению полевой моли в парках Московской области. Моль эта не только вредила деревьям, но причиняла много неудобств и населению, попадая в пищу, в радиоприемники и телевизоры, засоряя заводскую вентиляцию.

В одном из городов области — Серпухове — рабочая группа, установив генераторы в кузов грузовика, двинулась вглубь населенной. Когда включили аппарат, из сопла вырвался мощный струю мельчайших капелек раствора и, постепенно расширяясь, стала обволакивать стволы и кроны деревьев белым туманом. Увеличенная легким ветром, полоса тумана медленно двигалась вглубь парка. Машина шла вдоль фронта деревьев с наветренной стороны, и участники испытания не попадали в облако тумана. Впрочем, кратковременное пребывание человека, животных и птиц в полосе такого искусственного тумана практически безопасно.

В прошлом году были обеззаражены сады и парки городов Орехово-Зуев, Жуковского, Сталиногорска, что привело к полной гибели тополевой моли. Через полтора часа после обработки участники экспедиции насчитывали под отдельными деревьями до ста тысяч мертвых насекомых.

Подобным образом обрабатывались дубравы Главного ботанического сада Академии наук СССР и парки некоторых санаториев Московской области против дубовой листовертки. Почти полностью были уничтожены бабочки и гусеницы этого вредителя. Они не могли укрываться от ядовитого тумана даже на верхушках дубов, высота которых достигает 30—35 метров. Для обычных опрыскивателей такая высота, конечно, недостижима.

В минувшем году испытания различных образцов туманообразующих машин были проведены в разнообразных географических зонах страны. Они применялись для борьбы с вредителями и болезнями зерновых культур, хлопчатника, плодовых садов, виноградарства, на пастбищах и в животноводческих помещениях, а также в зернохранилищах и теплицах.

Для борьбы с насекомыми — переносчиками инфекционных заболеваний: мухами, москитами, комарами — туманообразующие машины были испытаны в Краснодаре, Сухуме, Симферополе, Ялте, а также в районах Поволжья, Крыма и др.

Особенно успешно стерилизуются искусственным туманом закрытые помещения. Он проникает во все щели, куда бы ни забилась насекомые, и уничтожает их.

Чтобы яснее представить себе преимущества аэрозольного способа борьбы с сельскохозяйственными вредителями перед обычными методами применения химических веществ (опрыскивание, ручное обмывание, опылывание), достаточно привести такие цифры: производительность генератора «АГ-16» на обработке полевых культур — 40—60 гектаров, садов — 15—30 гектаров, закрытых помещений — 300—400 кубометров в час.

Совершенствуются мощные наземные туманообразующие машины, инженерная мысль работает сейчас над созданием больших компактных аэрозольных генераторов, легко переносимых и в то же время достаточно производительных. Они могут получить широкое применение на труднодоступных участках, в жилых домах. В то же время рассматривается вопрос об использовании вертолетов для работы с мощными генераторами над горными лесами, садами, таежными лесами. Предварительные испытания вертолетов сельскохозяйственного назначения в стране уже начались.

Новый, прогрессивный способ борьбы с вредителями сельского хозяйства завоевывает все более широкое признание. В этом году испытания в широких производственных масштабах организуются во всех союзных республиках. Большие работы намечено провести по борьбе с туманом на таежных новостройках, а также по уничтожению насекомых — переносчиков инфекционных заболеваний.

Так, по мере накопления знаний о дымках, облаках и туманах, человек все более и более «приручает» их, постигает тайны управления ими. Уже привели к первым успехам попытки ученых преобразовать облака в дождь. Создаются все новые установки для улавливания дымов промышленных предприятий, — чисте становится воздух городов, прозрачнее для ультрафиолетовых лучей, столь необходимых для здоровья и жизни человека. Подчас огромные площади покрываются искусственными туманами, часто уничтожающими вредных насекомых. Применение вертолетов позволяет обрабатывать искусственными аэрозолями горные леса, виноградники и сады.

Все это лишь первые шаги; многое еще остается неясным как в теории, так и на практике. Но уже сейчас новая область знания открывает перед нами широкие и обнадеживающие перспективы.

В. РЕУТ

Маленьким — крылатую поэзию!

Малыш на эскалаторе метро весело притоваривает, глядя на мать:

Елена БЛАГНИНА

Нам шагать по лестнице
Незачем с тобой —
Лестница-чудесница
Бежит сама собой!

Дедушка, найдя очки в книге, пошмыгает:

Вот какой рассеянный
С улицы Бассейной!

Мать, умывая сына:

Надо, надо умываться
По утрам и вечерам...

Гостья, наблюдаясь с хозяйкой, сама о себе:

А болтать-то мне когда?
Мне болтать-то некогда!

Отец семейства в Женский день, за праздничным столом:

Мамы разные нужны,
Мамы всякие важны!

Не успеет, бывало, выйти книжка, а уж «крылатые» стихи разлетаются по стране.

Что говорить, детские поэты старшего поколения брались и берутся за трудные темы. Легко ли написать для маленького читателя книжку о капитализме, рассказать про революцию, про победу над фашистами, спеть песню о гибели Чапаева, увлекательно рассказать о метро? Трудно, неизменно трудно!

Тем не менее существует «Мистер Твистер» С. Маршак, «Быль для детей» С. Михалкова, «Петья рисует» А. Барто, «Победа» Е. Грушевой, «Метро» Е. Тарховской, «Песня о Чапаеве» С. Александровой, «Два парохода» В. Липкина. Книжки разные, книги интересные, и на каждой печать творческой индивидуальности.

Нелепо было бы думать, что у этих авторов все безукоризненно. Есть и у них ошибки, срывы, неудачи. Но бесспорно одно — благодаря усилиям наших поэтов поэзия для детей перестала быть пресловутым чирпаком и сближением и вышла на широкую магистраль большой советской литературы.

За последнее десятилетие к этому передовому отряду присоединилось немало новых поэтов (правда, некоторые из них начинали работать еще задолго до войны). Среди них можно назвать таких, как Яков Аким, Сергей Баруздин, Федор Белкин, Ольга Высотская, Валентина Данилова, Анна Бардашова, Агния Кузнецова, Георгий Леонович, Нина Найденова, Екатерина Серова, Елизавета Стюарт, Юрий Яковлев и другие.

Новое поколение детских поэтов ставит перед собой большие задачи, пробует себя в разных жанрах. Поэты хотят рассказать маленькому читателю о любви к Родине, к партии, о труде, о русской природе, пытаются поэтически осознать вопросы морали, хотят развеселить ребенка, украсить его досуг игрой, показать живые характеры и т. д.

Есть в их стихах отдельные удачные, смелые поиски, свежие поэтические находки. Но, сказав по правде, «крылатые» стихи пока не встречаются. Нет и значительных, отражающих наше время произведений.

В чем же причины этого явления? Думаем, что прежде всего здесь надо говорить о недостаточной требовательности к себе многих поэтов. Проявляется это, конечно, по-разному.

Так, молодой поэт Юрий Яковлев печатает, вероятно, все или почти все, что пишет. Не опасно ли это? Ведь его книжка «Бака сегодня погода» (1950 г.) поэтически зрелее, совершеннее, чем последующие. Почему же редакторы не помогут ему, не отберут бережно лучшее? Неужели только потому, что талантливого поэту удалось завоевать симпатии читателей сразу — первой книжкой? Но признание читателя надо беречь, а не утрачивать его!

Яков Аким более высокотребователен: он работает медленно, занят поисками формы, острейшей обманчивой легкости. Его «Неумейка», напечатанный в «Мурзилке», — пример хорошего дидактического построения, веселого и ненавязчивого. Но и ему нередко изменяет вкус. Так, например, его стихотворный очерк «Как добрыи соль» («Мурзилка», № 8, 1955) хотя и весьма поучителен, но совсем неподобен.

В поэтическом рассказе Ольги Высотской «Мамин троллейбус» все достоверно, просто, профессионально: строфа слажена крепко, словарь точный, рифма глубокая.

Нельзя сказать, чтобы эти стихи были совсем плохие. Они — средние, серые! Усаженный барабан четырехстопоного дождя стучит и стучит, как ненастный дождик по крыше.

Четырехстопоный хорей в русской поэзии имеет бесмертные традиции, отличается необыкновенной емкостью, гибкостью, разнообразием модуляций. Этим размером написана сказка П. Ершова «Конек-Горбунчик», им же написаны почти все сказки Пушкина; им широко пользовались и пользуются наши крупнейшие поэты. Дело тут вовсе не в размере. Любой стихотворный размер, не наполненный живой, яркой речью, лирическим эмоциональным окраской, не соответствующий выбранной теме, делается скучным, вялым на слуху, оставляет читателя равнодушным к замыслу поэта. А раз читатель равнодушен, то ему кажется, что стихов нет. И он прав: стихов в таком случае действительно нет. Их судьба — забвение. Но забвение забвению равно.

Значит, и детским поэтам и надательством надо пересмотреть позиции и перестать, наконец, кормить советских ребят неуловимой пиццей, которую с полной ответственностью можно назвать малопитательной «гуманной кашкой».

Значит, и детским поэтам и надательством надо пересмотреть позиции и перестать, наконец, кормить советских ребят неуловимой пиццей, которую с полной ответственностью можно назвать малопитательной «гуманной кашкой».

Значит, и детским поэтам и надательством надо пересмотреть позиции и перестать, наконец, кормить советских ребят неуловимой пиццей, которую с полной ответственностью можно назвать малопитательной «гуманной кашкой».

Значит, и детским поэтам и надательством надо пересмотреть позиции и перестать, наконец, кормить советских ребят неуловимой пиццей, которую с полной ответственностью можно назвать малопитательной «гуманной кашкой».

Значит, и детским поэтам и надательством надо пересмотреть позиции и перестать, наконец, кормить советских ребят неуловимой пиццей, которую с полной ответственностью можно назвать малопитательной «гуманной кашкой».

Значит, и детским поэтам и надательством надо пересмотреть позиции и перестать, наконец, кормить советских ребят неуловимой пиццей, которую с полной ответственностью можно назвать малопитательной «гуманной кашкой».

Значит, и детским поэтам и надательством надо пересмотреть позиции и перестать, наконец, кормить советских ребят неуловимой пиццей, которую с полной ответственностью можно назвать малопитательной «гуманной кашкой».

Значит, и детским поэтам и надательством надо пересмотреть позиции и перестать, наконец, кормить советских ребят неуловимой пиццей, которую с полной ответственностью можно назвать малопитательной «гуманной кашкой».

Значит, и детским поэтам и надательством надо пересмотреть позиции и перестать, наконец, кормить советских ребят неуловимой пиццей, которую с полной ответственностью можно назвать малопитательной «гуманной кашкой».

Значит, и детским поэтам и надательством надо пересмотреть позиции и перестать, наконец, кормить советских ребят неуловимой пиццей, которую с полной ответственностью можно назвать малопитательной «гуманной кашкой».

Значит, и детским поэтам и надательством надо пересмотреть позиции и перестать, наконец, кормить советских ребят неуловимой пиццей, которую с полной ответственностью можно назвать малопитательной «гуманной кашкой».

Значит, и детским поэтам и надательством надо пересмотреть позиции и перестать, наконец, кормить советских ребят неуловимой пиццей, которую с полной ответственностью можно назвать малопитательной «гуманной кашкой».

Значит, и детским поэтам и надательством надо пересмотреть позиции и перестать, наконец, кормить советских ребят неуловимой пиццей, которую с полной ответственностью можно назвать малопитательной «гуманной кашкой».

Значит, и детским поэтам и надательством надо пересмотреть позиции и перестать, наконец, кормить советских ребят неуловимой пиццей, которую с полной ответственностью можно назвать малопитательной «гуманной кашкой».

Значит, и детским поэтам и надательством надо пересмотреть позиции и перестать, наконец, кормить советских ребят неуловимой пиццей, которую с полной ответственностью можно назвать малопитательной «гуманной кашкой».

Значит, и детским поэтам и надательством надо пересмотреть позиции и перестать, наконец, кормить советских ребят неуловимой пиццей, которую с полной ответственностью можно назвать малопитательной «гуманной кашкой».

И все же остается впечатление какой-то робости, будто поэт работает не в полную силу, будто он уж слишком тщательно разглаживает каждую запяточку.

За последние годы заметно выросла Анна Кардашова. Она отважно берется за серьезные темы. Последняя книжка Кардашовой — «Маленькие товарищи». В ней рассказывается о китайском детском саде. Но как жаль, что поэт торопливо насовал в стихи все: и переписку с Москвой и плакатно написанное самодурство помещика — бывшего владельца дома, где расположился детский сад. Тут вы найдете и бытовые подробности, и простоты с отдельными персонажами, и первомайский праздник. Если бы поэт взял одну основную, но действительно сюжетную линию, то все средства, которыми отлично владеет автор, — хороший стих, умение пользоваться «местным колоритом», задушевная интонация, — оправдали бы себя и советские дети получили бы ценный подарок.

У новосибирской писательницы Елизаветы Стюарт много книг, зато много и неудач. А жаль! Е. Стюарт — талантливый поэт, большой мастер лирического пейзажа.

Задремала на покое
В душных зарослях река,
Как овечки к водопою,
К ней сбегались облака.

Дальше идет картина знойного полдня, зимородок на лету тронул крылом воду, и:

Рыбки робкие метнулись,
На воде кружи легли.
Облака тогда очутились,
Колыхнулись и — пошли.

А рядом с этими выразительными стихами преспокойно уживаются невысказанные, мертворожденные строчки:

Мы на даче с детским садом.
Рядом сад, и речка рядом.

До сих пор речь шла о поэтах уже известных, так или иначе заявивших себя в литературе для детей.

Но для того, чтобы написать эти беглые заметки, пришлось просмотреть более ста книжек стихов столичных и областных авторов, пишущих на русском языке. И средний уровень стихов из этого «потока», надо сказать, радует еще меньше.

Встречаются здесь и отдельные удачные, но они часто оставляют впечатление случайных находок, а не итогов упорных творческих поисков. И в результате страничку за страницей наполняют однообразные, как две капли воды похожие друг на друга, стихи:

Спят под снегом лес и пашни,
В ярких звездах небосвод...
Бьют часы на Спасской башне,
Наступает Новый год.

День рождения у Вовы!
Все имени восемь лет!
И ему купили новый
Голубой велосипед.

Оля в школу собирала
Брата Митю в первый класс.
Умыла, одевала,
Все ли в ранце проверила,
А потом поцеловала
И сказала: — В добрый час!

Нельзя сказать, чтобы эти стихи были совсем плохие. Они — средние, серые! Усаженный барабан четырехстопоного дождя стучит и стучит, как ненастный дождик по крыше.

Четырехстопоный хорей в русской поэзии имеет бесмертные традиции, отличается необыкновенной емкостью, гибкостью, разнообразием модуляций. Этим размером написана сказка П. Ершова «Конек-Горбунчик», им же написаны почти все сказки Пушкина; им широко пользовались и пользуются наши крупнейшие поэты. Дело тут вовсе не в размере. Любой стихотворный размер, не наполненный живой, яркой речью, лирическим эмоциональным окраской, не соответствующий выбранной теме, делается скучным, вялым на слуху, оставляет читателя равнодушным к замыслу поэта. А раз читатель равнодушен, то ему кажется, что стихов нет. И он прав: стихов в таком случае действительно нет. Их судьба — забвение. Но забвение забвению равно.

Значит, и детским поэтам и надательством надо пересмотреть позиции и перестать, наконец, кормить советских ребят неуловимой пиццей, которую с полной ответственностью можно назвать малопитательной «гуманной кашкой».

Значит, и детским поэтам и надательством надо пересмотреть позиции и перестать, наконец, кормить советских ребят неуловимой пиццей, которую с полной ответственностью можно назвать малопитательной «гуманной кашкой».

Значит, и детским поэтам и надательством надо пересмотреть позиции и перестать, наконец, кормить советских ребят неуловимой пиццей, которую с полной ответственностью можно назвать малопитательной «гуманной кашкой».

Значит, и детским поэтам и надательством надо пересмотреть позиции и перестать, наконец, кормить советских ребят неуловимой пиццей, которую с полной ответственностью можно назвать малопитательной «гуманной кашкой».

Значит, и детским поэтам и надательством надо пересмотреть позиции и перестать, наконец, кормить советских ребят неуловимой пиццей, которую с полной ответственностью можно назвать малопитательной «гуманной кашкой».

Значит, и детским поэтам и надательством надо пересмотреть позиции и перестать, наконец, кормить советских ребят неуловимой пиццей, которую с полной ответственностью можно назвать малопитательной «гуманной кашкой».

Значит, и детским поэтам и надательством надо пересмотреть позиции и перестать, наконец, кормить советских ребят неуловимой пиццей, которую с полной ответственностью можно назвать малопитательной «гуманной кашкой».

Значит, и детским поэтам и надательством надо пересмотреть позиции и перестать, наконец, кормить советских ребят неуловимой пиццей, которую с полной ответственностью можно назвать малопитательной «гуманной кашкой».

Значит, и детским поэтам и надательством надо пересмотреть позиции и перестать, наконец, кормить советских ребят неуловимой пиццей, которую с полной ответственностью можно назвать малопитательной «гуманной кашкой».

Значит, и детским поэтам и надательством надо пересмотреть позиции и перестать, наконец, кормить советских ребят неуловимой пиццей, которую с полной ответственностью можно назвать малопитательной «гуманной кашкой».

Значит, и детским поэтам и надательством надо пересмотреть позиции и перестать, наконец, кормить советских ребят неуловимой пиццей, которую с полной ответственностью можно назвать малопитательной «гуманной кашкой».

Значит, и детским поэтам и надательством надо пересмотреть позиции и перестать, наконец, кормить советских ребят неуловимой пиццей, которую с полной ответственностью можно назвать малопитательной «гуманной кашкой».

Значит, и детским поэтам и надательством надо пересмотреть позиции и перестать, наконец, кормить советских ребят неуловимой пиццей, которую с полной ответственностью можно назвать малопитательной «гуманной кашкой».

Значит, и детским поэтам и надательством надо пересмотреть позиции и перестать, наконец, кормить советских ребят неуловимой пиццей, которую с полной ответственностью можно назвать малопитательной «гуманной кашкой».

Значит, и детским поэтам и надательством надо пересмотреть позиции и перестать, наконец, кормить советских ребят неуловимой пиццей, которую с полной ответственностью можно назвать малопитательной «гуманной кашкой».

Значит, и детским поэтам и надательством надо пересмотреть позиции и перестать, наконец, кормить советских ребят неуловимой пиццей, которую с полной ответственностью можно назвать малопитательной «гуманной кашкой».

Значит, и детским поэтам и надательством надо пересмотреть позиции и перестать, наконец, кормить советских ребят неуловимой пиццей, которую с полной ответственностью можно назвать малопитательной «гуманной кашкой».

Значит, и детским поэтам и надательством надо пересмотреть позиции и перестать, наконец, кормить советских ребят неуловимой пиццей, которую с полной ответственностью можно назвать малопитательной «гуманной кашкой».

ннем, а истраченных при этом народных средств жалко. Жалко бумаги, отпавшей на макулатуру, труда печатников, времени читателя и, главное, его испорченного вкуса.

Берем первые попавшиеся строфы:

Вышел папа мой на двор,
Взял он лыжи и топор,
Закричал мне на ходу:
«В лес за елкой я иду!»
(В. Черников. «Моя елка»)

Все уснуло — вышел срок. (?)
Бор сплошнойю мглой укрыт.
Лишь под дубом, одинок,
Мальчик маленький дрожит...
(И. Юрченко. «О мальчике Сапе с улицы нашей»)

Стал Дружка учить я
Через стул скакать,
Вещи и записки
Мигом доставлять.
(Е. Ружанский. «Дружок»)

Все тут убого — и ритм, и рифма, и самый владыкий строительный материал поэта — язык.

Скучно читателю без живых детей в детских книгах. Скучно от механического перечисления имен собственных, пригнанных к ритму и рифме, и от «псевдотитанжа», ничего общего не имеющего с живыми детьми. Но странички детских стихов бродят «мыкающие» и «якающие» Оли — «Оли-Толи («я бегу», «я кричу», «мы гуляем», «мы заснули») или же неземные, ангелоподобные, бесплотные существа.

Вот попытка дать положительный персонаж:

Кораблей тут пелый флот,
С каждым часом он растет.
Это каждому занятию,
Все сбегается сюда.
А один пошел обратно. (?)
— Слушай, Коля, ты куда?
— К дому, время заниматься.
— Что? Уроки? Брось, бежим.
Он сказал: — Нелзя остаться.
И еще сказал: — Режим.

И когда этот добродетельный мальчик ушел домой, автор делает вывод:

Хоть к ребятам Колю тянет,
Кляня языкком. (?)
Значит, этот мальчик станет
Настоящим моряком!
(Л. Куликов. «Кораблик»)

Сколько тут путаницы и смысловой, и синтаксической! Какой неряшливый словарь!

Таким образом, получается, что самые благоприятные намерения поэта осуждены на полную неудачу, если он забывает о единстве содержания и формы.

Многие думают так: «Бумага, перо, чернила есть. Писать умею. Все пишу, и я напишу!». Это убеждение надо разбить, развешать в прах! Надо утверждать в сознании пишущих, что труд писателя — подвиг.

Борис Полевой в своем докладе о детской литературе на Втором всесоюзном съезде советских писателей сказал о поэзии для маленьких, что «незатейливое ее лишь внешняя. На самом деле писать такие стихи сложно. В них веселье, задор, шутка должны жить в сочетании с мудростью, причем все это должно быть заключено в простую, изящную художественную форму». И правда! Поэзия для маленьких не терпит многословия, ей, как воздух, необходим армий, поэтический мир. Как и все в искусстве, стихи для детей не выносят инерции, всетают против открытого назидания, не хотят описательности, распадаются от ложных положений, умирают от рыхлительных характеристик.

Поэтическая зоркость, своеобразие, точность в выборе выразительных средств и, главное, современность в лучшем смысле слова — вот то, без чего самая высокая тема, самый интересный замысел останутся втуне, оставив равнодушным читателя. Разговор о мастерстве — вот что нам сейчас необходимо и чего мы ждем от критиков. Но разговор этот до сих пор так и не состоялся. И эта статья есть робкая попытка такой разговор начать, ибо нужна в нем была всегда велика, а после Второго съезда сделалась остро насущной.

Укором звучат слова из приветствия ЦК КПСС Второму съезду советских писателей: «Отдельные писатели не проявляют должной требовательности к своей работе, выпускают посредственные и слабые произведения, объединяющие советскую действительность».

Значит, и детским поэтам и надательством надо пересмотреть позиции и перестать, наконец, кормить советских ребят неуловимой пиццей, которую с полной ответственностью можно назвать малопитательной «гуманной кашкой».

Значит, и детским поэтам и надательством надо пересмотреть позиции и перестать, наконец, кормить советских ребят неуловимой пиццей, которую с полной ответственностью можно назвать малопитательной «гуманной кашкой».

Значит, и детским поэтам и надательством надо пересмотреть позиции и перестать, наконец, кормить советских ребят неуловимой пиццей, которую с полной ответственностью можно назвать малопитательной «гуманной кашкой».

Значит, и детским поэтам и надательством надо пересмотреть позиции и перестать, наконец, кормить советских ребят неуловимой пиццей, которую с полной ответственностью можно назвать малопитательной «гуманной кашкой».

Значит, и детским поэтам и надательством надо пересмотреть позиции и перестать, наконец, кормить советских ребят неуловимой пиццей, которую с полной ответственностью можно назвать малопитательной «гуманной кашкой».

Значит, и детским поэтам и надательством надо пересмотреть позиции и перестать, наконец, кормить советских ребят неуловимой пиццей, которую с полной ответственностью можно назвать малопитательной «гуманной кашкой».

Значит, и детским поэтам и надательством надо пересмотреть позиции и перестать, наконец, кормить советских ребят неуловимой пиццей, которую с полной ответственностью можно назвать малопитательной «гуманной кашкой».

Значит, и детским поэтам и надательством надо пересмотреть позиции и перестать, наконец, кормить советских ребят неуловимой пиццей, которую с полной ответственностью можно назвать малопитательной «гуманной кашкой».

Значит, и детским поэтам и надательством надо пересмотреть позиции и перестать, наконец, кормить советских ребят неуловимой пиццей, которую с полной ответственностью можно назвать малопитательной «гуманной кашкой».

Значит, и детским поэтам и надательством надо пересмотреть позиции и перестать, наконец, кормить советских ребят неуловимой пиццей, которую с полной ответственностью можно назвать малопитательной «гуманной кашкой».

Значит, и детским поэтам и надательством надо пересмотреть позиции и перестать, наконец, кормить советских ребят неуловимой пиццей, которую с полной ответственностью можно назвать малопитательной «гуманной кашкой».

Значит, и детским поэтам и надательством надо пересмотреть позиции и перестать, наконец, кормить советских ребят неуловимой пиццей, которую с полной ответственностью можно назвать малопитательной «гуманной кашкой».

Значит, и детским поэтам и надательством надо пересмотреть позиции и перестать, наконец, кормить советских ребят неуловимой пиццей, которую с полной ответственностью можно назвать малопитательной «гуманной кашкой».

Значит, и детским поэтам и надательством надо пересмотреть позиции и перестать, наконец, кормить советских ребят неуловимой пиццей, которую с полной ответственностью можно назвать малопитательной «гуманной кашкой».

Значит, и детским поэтам и надательством надо пересмотреть позиции и перестать, наконец, кормить советских ребят неуловимой пиццей, которую с полной ответственностью можно назвать малопитательной «гуманной кашкой».

Значит, и детским поэтам и надательством надо пересмотреть позиции и перестать, наконец, кормить советских ребят неуловимой пиццей, которую с полной ответственностью можно назвать малопитательной «гуманной кашкой».

Значит, и детским поэтам и надательством надо пересмотреть позиции и перестать, наконец, кормить советских ребят неуловимой пиццей, которую с полной ответственностью можно назвать малопитательной «гуманной кашкой».

Значит, и детским поэтам и надательством надо пересмотреть позиции и перестать, наконец, кормить советских ребят неуловимой пиццей, которую с полной ответственностью можно назвать малопитательной «гуманной кашкой».

ДОБРОГО ПУТИ!

СТИХИ ВЛАДИМИРА АЛЕКСЕЕВА

В этом номере газеты читатель увидит произведения молодого поэта Владимира Алексеева. Трагикомическая история дома, построенного трестом, стихи о конъюнктурщике написаны умно и смело, остро и (нельзя не отметить на это особенно внимания!) восторженно смешно.

Владимир Алексеев окончил отделение журналистики Ленинградского университета, где состоял в литературном объединении. Он делает первые шаги в жанре сатиры. Несколько лет назад он стал печатать стихи в ленинградских журналах и сборниках. Тут был произведен более удачные и менее удачные, но они сразу обратили на себя внимание друзей сатирического жанра. Нельзя к этому не прибавить, что его серьезная и хорошая (хотя и не во всем, по-моему, точная) сатира в «Ленинградском альманахе» (№ 9 за 1954 г.) свидетельствует, что Владимир Алексеев дождливо относится к благой дождности советского сатирика.

Лучше всего об этом говорят его произведения. Кроме заключенной в них острой ненависти ко всему, что несет на себе печать гнусных пережитков прошлого, — ненависти, обязательной для любого сатирика и не сатирика, — в его стихах бросается в глаза глубокая вера в действительную силу обличительного слова. Это — черта и общественная и творческая. В Алексееве обходится без общих слов на тему о существовании зла. Он предпочитает басы без разойдящей морали, избегает штампованных поучений и нравочений. Отличная примета!

В Алексееве не забывает о том, что при осмеянии отрицательных явлений может сослужить свою службу и остроумная пародия, и насыщенный иронией каламбур, и особая, комически заостренная рифма. Не всеми этими средствами поэт владеет в одинаковой степени, но в лучших его произведениях оружие смеха использовано умело и по-настоящему. Особенно хороши те стихи, в которых В. Алексеев удается сочетать остроумные авторские рифмы с остроумно построенной фразой, помогающей увидеть и оценить поступки «героя» в ходе живого действия.

Как видим, В. Алексеев располагает многими данными для плодотворной работы в области сатиры. Именно поэтому следует обратить внимание поэта на некоторые тенденции в его творчестве, которые могут сильно ему повредить.

Ничего нет плохого в том, что одно из своих стихотворений В. Алексеев снабдил подзаголовком «Почти по Маршаку». Тут найдено открытое и сознательное использование формы и построения стихотворного факелона по образцу известных стихов С. Я. Маршак. Плохо то, что, к примеру, прочитанную мною басню «Усь-нечетчик» В. Алексеев мог снабдить подзаголовком «Почти по Михалкову». Правда, всякий раз талантливого поэта Алексеева удается удерживать на известной грани и не пойти дальше того, что мы обозначаем словом «почти». Но хотелось бы, чтобы в дальнейшей работе В. Алексеев более дорожил своей самостоятельностью, искал свою дорогу, тему, разнообразие сатирических красок.

Среди прочитанных мною стихов Алексеева огорчила, скажу прямо, «Баллада о крыше». Сотни стихов были написаны на тему о нерадивом управделе. Внес ли В. Алексеев что-либо новое в ее трактовку? Нет, не внес. Было ли целесообразно возвращаться к этой теме, если автор не сумел сделать ее общественно значимой? Нет, это была плохая затея, никуда она не пойдет.

В стихах В. Алексеева не видно сложности к мелочью. Но неудача «Баллада о крыше» должна напомнить молодому поэту, что успехи нашей сатирической поэзии всегда были неразрывно связаны с борьбой за постановку идейно значительных, актуальных тем. В Алексееве распо-

рогу, тему, разнообразие сатирических красок.

Среди прочитанных мною стихов Алексеева огорчила, скажу прямо, «Баллада о крыше». Сотни стихов были написаны на тему о нерадивом управделе. Внес ли В. Алексеев что-либо новое в ее трактовку? Нет, не внес. Было ли целесообразно возвращаться к этой теме, если автор не сумел сделать ее общественно значимой? Нет, это была плохая затея, никуда она не пойдет.

В стихах В. Алексеева не видно сложности к мелочью. Но неудача «Баллада о крыше» должна напомнить молодому поэту, что успехи нашей сатирической поэзии всегда были неразрывно связаны с борьбой за постановку идейно значительных, актуальных тем. В Алексееве распо-

рогу, тему, разнообразие сатирических красок.

Среди прочитанных мною стихов Алексеева огорчила, скажу прямо, «Баллада о крыше». Сотни стихов были написаны на тему о нерадивом управделе. Внес ли В. Алексеев что-либо новое в ее трактовку? Нет, не внес. Было ли целесообразно возвращаться к этой теме, если автор не сумел сделать ее общественно значимой? Нет, это была плохая затея, никуда она не пойдет.

В стихах В. Алексеева не видно сложности к мелочью. Но неудача «Баллада о крыше» должна напомнить молодому поэту, что успехи нашей сатирической поэзии всегда были неразрывно связаны с борьбой за постановку идейно значительных, актуальных тем. В Алексееве распо-

рогу, тему, разнообразие сатирических красок.

Среди прочитанных мною стихов Алексеева огорчила, скажу прямо, «Баллада о крыше». Сотни стихов были написаны на тему о нерадивом управделе. Внес ли В. Алексеев что-либо новое в ее трактовку? Нет, не внес. Было ли целесообразно возвращаться к этой теме, если автор не сумел сделать ее общественно значимой? Нет, это была плохая затея, никуда она не пойдет.

В стихах В. Алексеева не видно сложности к мелочью. Но неудача «Баллада о крыше» должна напомнить молодому поэту, что успехи нашей сатирической поэзии всегда были неразрывно связаны с борьбой за постановку идейно значительных, актуальных тем. В Алексееве распо-

рогу, тему, разнообразие сатирических красок.

Среди прочитанных мною стихов Алексеева огорчила, скажу прямо, «Баллада о крыше». Сотни стихов были написаны на тему о нерадивом управделе. Внес ли В. Алексеев что-либо новое в ее трактовку? Нет, не внес. Было ли целесообразно возвращаться к этой теме, если автор не сумел сделать ее общественно значимой? Нет

В ХЕЛЬСИНКИ стоят необыкновенно жаркие дни. В финской столице, расположенной на северном берегу Балтийского моря и окруженной с трех сторон лесами, днем душно, как в южном городе. Все утверждают, что такой жары не отмечалось на протяжении последних двадцати восьми лет. Газеты сообщают о засухе. Несмотря на это, настроение жителей финской столицы приподнято — новые веяния времени и здесь создают атмосферу спокойствия и уверенности.

Лишь бы на народы не обрушилось самое большое несчастье — война, а последствия засухи и неурожая можно ликвидировать совместными усилиями, — говорят благодушные люди.

В эти дни финские газеты широко обсуждают дальнейшие пути улучшения взаимоотношений между народами. Много места на своих страницах они уделяют работе 44-й конференции Межпарламентского союза, собравшейся в Хельсинки. В финской столице сейчас гостят 350 парламентариев, представляющих 43 страны. Впервые в работе Межпарламентского союза участвуют представители СССР и народной Албании. Вхождение Советского Союза и стран народной демократии огромный. С большим вниманием выслушали участники конференции речь Н. А. Михойтова.

С другой стороны, общее недоумение и разочарование вызывает тот факт, что Китайская Народная Республика до сих пор не принята в Межпарламентский союз. В кулуарах и с трибуны конференции раздаются голоса, осуждающие эту вопиющую несправедливость по отношению к великому народу. Так, член английского парламента Кеннет Робинсон в своем выступлении заявил:

— Я не могу понять, как можно оспаривать право Китайской Народной Республики на участие в работе нашей конференции...

СЕГОДНЯ В ХЕЛЬСИНКИ

Делегаты поддержали слова Робинсона аплодисментами.

Характерно, что хотя на конференции встретились люди разных взглядов и убеждений, все они сходятся на том, что разногласия нужно разрешать мирными средствами. Заметную активность проявляют на конференции депутаты парламента стран Азии, испытавшие на себе тяжесть и несправедливость колониальной гнет. Многие выражают надежду, что новая международная обстановка позволит объединить усилия стран в поисках путей борьбы с нищетой и отсталостью.

Впрочем, не буду повторяться. Советские читатели уже имели возможность из сообщений центральных газет получить ясное представление о характере дискуссии, развернувшейся на конференции, и выступлениях ее участников.

Непрерывным слагаемым в рабочий день парламентария здесь входят личные встречи с коллегами из других стран, беседы в кулуарах и поездки по городу. С чувством искренней признательности отзываются гости о дружелюбной и гостеприимной обстановке. Хозяева знакомы нас с лучшими образцами национальной культуры и искусства. Сильное впечатление оставил концерт из произведений Сибелиуса, исполненных симфоническим оркестром Хельсинки.

В просторных холлах здания сейма завязываются оживленные беседы между делегатами Советского Союза, Франции, Англии, США, Индии и других стран.

Эти беседы часто носят дружеский характер, освещены добрым желанием найти общий язык. Члены делегаций различных стран стремятся лучше узнать депутатов советского парламента, установить с ними дружеские связи.

...В большом фойе во время приема к нам подошел человек высокого роста. Он широко улыбается,

весело здоровается и пожимает нам руки. Это депутат английского парламента, лейборист и профессорный деятель Льюис. Очень хвалит наше метро и восхищается спектаклями Большого театра — «Лебединым озером» и «Борисом Годуновым».

— Сожалю, что мое пребывание в Советском Союзе было недолгим. Мечтаю еще раз посетить Советский Союз, замечательную его столицу, — говорит он.

Наша беседа касается многих сторон жизни в СССР и в Англии.

— Простой человек моей страны, — замечает английский парламентарий, — очень любит вашу страну.

Оживленная беседа завязалась между членами нашей делегации и депутатами иранского парламента. Иранцы с большим удовлетворением отмечают развивающиеся дружеские связи между Ираном и СССР.

— Советский Союз — наш великий и могучий сосед. Мы питаем к нему дружеские чувства. Недоброе отношение к соседу — грех, который не прощается, — говорит один из иранских собеседников.

...Конференция продолжается. Идет откровенный обмен мнениями по важнейшим проблемам международной жизни. Завязываются новые связи между парламентариями разных стран, расширяются старые. «Не находите ли вы, что сегодня в Хельсинки солнце светит так же ярко, как в Женеве месяц назад?», — спросил один журналист. «В этом круглом зале, где мы сейчас заседаем, действительно, веет свежим, ободряющим ветром, который донесся в Хельсинки с берегов Женевского озера», — ответила ему.

Общее мнение здесь таково, что встречи на конференции открывают новые возможности для плодотворного сотрудничества в интересах дружбы между народами.

Мирза ИБРАГИМОВ
ХЕЛЬСИНКИ, 29 августа. (По телефону)

РАССКАЗЫВАЮТ ГОСТИ, РАССКАЗЫВАЕМ О ГОСТЯХ...

«Букет песен и танцев...»

...На сцене — группа юной и девушек в национальных словацких костюмах «Песня привет, чехословацкого народа советскому народу», — объявляет ведущий... Отзвучала песня, и на сцену выбегают девчонки с букетами цветов. Это коллектив художественной самодеятельности Дворца культуры им. Горьбунова дарит цветы словацким певцам и танцорам, участникам ансамбля «Лучница». «Мы привезли вам букет песен и танцев словацкого народа и очень рады возможности выступить в Москве. Мы чувствуем себя здесь, как дома, благодаря радушию, с которым нас принимают», — отвечают гости на слова приветствия. Концерт продолжается. Шумную, многоголосую «Ярмарку» сменяет старинный воинственный «Танец разбойников», после словацких напевов слышны родные звуки русских народных песен...

Штефан Дрговь и Иван Гаруштяк исполняют словацкие народные песни

Юреспондент «Литературной газеты» обратился к художественному руководителю «Лучницы» с просьбой рассказать об ансамбле.

Слово «лучница», наверное, трудно перевести на русский язык, — сказал Штефан Клима. Так называют у нас в Словакии веселые игры, песни и танцы молодежи на горных горах — «лукках». Отсюда и имя ансамбля.

Коллектив был создан летом 1949 года на молодежной стройке железной дороги в Словакии — на «Трати младше». Поначалу это была небольшая группа любителей танца и пения, выступавшая на строительстве. Постепенно коллектив рос, у него создавался свой репертуар. После окончания строительства в Братиславе на основе этой группы самодеятельности был образован ансамбль «Лучница».

Рождение ансамбля — одно из многих доказательств небывалого культурного расцвета Словакии.

Летом «Лучница» постоянно разъезжает по Чехословакии, дает концерты в больших промышленных центрах, бывает и в самых отдаленных деревнях. Много раз мы выезжали за границу, были участниками молодежных фестивалей.

Ежегодно мы полностью обновляем наш репертуар, состоящий из чешских, словацких и русских народных песен и танцев. Словакия — горная страна, каждая из ее деревень хранит свои обычаи, костюмы, танцы, песни. В поисках нового мы идем в села, слушаем и записываем песни, знакомимся с танцами. Композиторы обрабатывают эти песни и танцы для нас. Так наш ансамбль раскрывает перед нашим народом богатство его культуры, красоту его обычаев.

Почти все участники ансамбля — студенты. Если они, окончив вуз, едут на работу в другой город или село, они создают там новый ансамбль — «Малую Лучницу». Таких «Малых Лучниц» уже несколько в Словакии.

Штефан Клима рассказал о некоторых из участников ансамбля.

Штефан Дрговь — студент биологического факультета университета в Братиславе и с 1952 года член нашего коллектива. Он исполняет словацкие народные песни. На философском факультете этого же университета занимается Зоя Пивоварова. Она поет в хоре. Дирижер нашего самодеятельного оркестра, состоящего преимущественно из студентов консерватории, Мирослав Шмидт уже закончил консерваторию и продолжает свое музыкальное образование в институте музыкальных искусств в Братиславе. В седьмом классе выступил «Лучница» примут участие два «старых новичка». Это Ондрей Зелыньк — аспирант Института химического машиностроения в Москве и Люба Чинкова — студентка одного из ленинградских вузов. Двое из них в Советский Союз оба были активными участниками ансамбля.

Мы очень рады, что наши песни и танцы понравятся москвичам. Мы никогда не забудем этих выступлений, и для нас большим удовлетворением было бы узнать, что и москвичи будут нас помнить.

вы Соучковой, Гелены Лоубаловой, Ольдриха Дедена.

Особо хочется отметить артистов Двора Рауль, комических экивилиристов. Они обладают большим чувством юмора и отлично работают. Жаль, что наш цирк и наша эстрада в какой-то мере позабыли эти жанры...

Нам остается поблагодарить наших чехословацких друзей за их отличное эстрадное искусство и пожелать им дальнейших успехов.

Георгий ГУЛИА

Самая гостеприимная аудитория в мире

В СССР находятся бразильские музыканты: дирижер, композитор и музыковед Жозе Синеира, певица Аليس Рибейру, молодые исполнители народных песен Стеллиана Эгт и Роберто Сатурнино Брага, композитор Эднэ Кригер и дирижер Линдольфо Гайя, скрипач Оскар Боргетт.

Позади — далекое путешествие... Наши гости из Бразилии были на Всемирной Ассамблее в Хельсинки, потом давали концерты в странах Европы, выступали на Фестивале молодежи и студентов в Варшаве, а теперь приехали в Советский Союз. Но путешествие еще не окончено. И сейчас, когда мы ведем беседу, в комнате уже стоят сложенные чемоданы. Сборы прерваны, чтобы поделиться впечатлениями от Москвы.

...Советские слушатели уже знакомы с музыкальной бразильской композиторов Вила Лобос и Камаргу Гуаринери. И вот мы еще раз имеем возможность послушать чудесные, полные огня песни и музыку далекой страны.

Бразильские гости приехали не только для того, чтобы показать свое искусство, но и для того, чтобы познакомиться со страной, о которой они так много слышали, музыку которой пропагандировали.

— Посещение Советского Союза, его концертных залов, консерваторий было моей заветной мечтой, — говорит композитор Эднэ Кригер. — Я изучаю и люблю русских композиторов прошлых веков и советских композиторов. Я рад, что мне удалось встретиться с советскими композиторами. Мы договорились поддерживать контакт и обмениваться нотами музыкальных произведений.

Изучая советскую музыку и музыку других стран, я пришел к убеждению, что русская музыка стоит сейчас на первом месте в мире. Я мечтаю снова приехать в Советский Союз, — продолжает Кригер, — чтобы поучиться у советских композиторов.

С увлечением рассказывают бразильские артисты о том, что они успели познакомиться в Москве. А успели они немало. Они посетили Кремль, Третьяковскую галерею, побывали на студии «Мосфильм», на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, посмотрели спектакли «Лебединое озеро» и «Евгений Онегин» в постановке Музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко.

Меня поразило в Москве огромное количество народа в картинных галереях, театрах и музеях. Мы были в Третьяковской галерее в будничные дни, и там не менее она была полна посетителей. Для нас это совершенно необычное явление, — говорит певец Роберто Сатурнино Брага.

— Все иностранные балетные группы, приезжавшие в Бразилию, не выдерживают никакого сравнения с русским балетом, — восхищается Р. С. Брага. — Мы много слышали о нем, но «Лебединое озеро» превзошло все ожидания.

Алис Рибейру тронул необыкновенно теплый прием и восприимчивость аудитории.

— Я исполняла довольно трудные и своеобразные произведения бразильских композиторов и боялась, что они не дойдут до слушателя. Но прием, который оказала публика этим произведениям, убедил меня в противоположном. В том, как восторженно встречают советские слушатели музыку далекой Бразилии, я вижу одно из проявлений симпатии и взаимопонимания народов.

Жозе Синеира, знаток русской музыки, был первым дирижером, который познакомил бразильцев с советской музыкой.

В Москве Ж. Синеира дирижировал Государственным симфоническим оркестром СССР и оркестром Радиокомитета.

— Я много ездил по всему миру, — говорит Синеира, — дирижировал первоклассными оркестрами США, Франции и Италии и считаю оба советских оркестра, с которыми мне довелось выступать, оркестрами мирового класса.

Члены бразильской делегации совершат поездку по Советскому Союзу и после заключительного концерта в Москве покинут нашу страну. Многие из них направятся в Европу, где будут выступать с концертами, другие сразу вернутся на родину.

— Но мы везде, — говорит, завершая беседу, Алис Рибейру, — сохраняем память о теплых встречах с советскими слушателями, с советской аудиторией, самой гостеприимной аудиторией мира.

Л. НОВИКОВА

Ираклий АНДРОНИКОВ

Некоторые улицы этого города кажутся оживленной старинной грамотности в СССР?

Фауста — здания с низкими сводами арок, резные узоры ворот, тугунные фонари над входами, массивные лепные украшения, гербы и эмблемы, вторые этажи, нависающие над тротуаром, стена дома, повторяющая изгиб улицы, трехэтажные дома в три окна по фасаду...

Семь часов вечера. Мы идем в ресторан, где должна состояться встреча. Невысокий дом. В подворотне стоит и просто лежат на земле велосипеды — двадцать, может быть, тридцать. За рестораном полон народ. Табачный дым. За столами — люди, собравшиеся здесь, чтобы встретиться с нами, послушать, порасспросить, может быть, и поспорить... Один прихлебывает яблочный сок — «капеллафат», другой заказал себе пиво, а тот — сосиски и чашечку черного кофе «эспрессо»: он пришел сюда после работы.

Начинается беседа. А в паузах штирийский ансамбль исполняет народные песни — люди: то задумчивые, серьезные, то лиричные или шутливые. Звонит гитара. И второй гитарист. Мы сидим на видном месте — под вешалкой, слушаем и при этом испытываем удовольствие, наверное, не меньшее, чем наши хозяева, знающие эти песни наизусть. Скромные пожилые женщины, чиновник почтового ведомства, старый учитель, молельница швея задулись, слушая музыку. А потом взглянул на нас и улыбнулся, радуясь, что песни их так нравятся нам.

Секретарь штирийского отделения общества фрау Кинцел предлагает зазвать нас в гости. И сразу несколько рук:

— Правда ли, что в советской школе вводится позитивистическое обучение?

— Каково положение ремесленников в Советском Союзе?

— Можно ли узнать о распространении грамотности в СССР?

Мы отвечаем. И снова слушаем песню. И снова вопросы. Об изобретениях в Советском Союзе. О правах женщины. О развитии национальных культур...

Процесса. И каждый хочет позвать твою руку. Каждый передает привет Советскому Союзу или поклон Москве, или добрые пожелания советским писателям...

Интерес австрийцев к Советской стране и к нашей культуре сказывается и в том, что на сцене Венской оперы идет «Борис Годунов», «Князь Игорь», «Евгений Онегин» и «Пиковая дама». Часто исполняются в Австрии Чайковский, Мусоргский, Римский-Корсаков, Шостакович, Хачатурян, Прокофьев и Кабалевский.

Теперь о литературных дискуссиях, в которых мы приходим участвовать. Хотя разговор шел о литературе, но каждый раз касался и общих вопросов советской культуры, советского образа жизни и особенно жизни советской интеллигенции. В Австрии очень интересуются тем, как живут в Советском Союзе учителя и врачи, музыканты, писатели, журналисты.

Первая дискуссия состоялась в Граце, в одном из залов гостиницы «Талия». Тут собралось много интересующихся литературой, — читатели, библиотечники, журналисты. Вопросы были самые разные — о социалистическом реализме и о новых книгах советских писателей; о последней картине Чаплина «Огни рамина» и о романах Достоевского; собравшихся интересовало, какие книги австрийских писателей переведены на русский язык, каких современных иностранных авторов переведено в СССР, имеются ли советские писатели, пишущие на религиозные темы, и что значит изучение писателем жизни.

На других собраниях нас спрашивали, что стоит в Советском Союзе прочесть книгу. Вопрос понятен: большинство библиотек в Австрии платные. По абонементу в месяц можно прочесть три книги, это стоит 70—80 шиллингов. А для того, кто получает 800—1000 шиллингов, — такой, скажем, кадан учителя, — подобный расход не по карману. Можно читать книги в Национальной библиотеке в Вене. Но читальный зал вмещает лишь 100 человек. Книжные магазины? Но книги в Австрии относительно дороги, и вы не слишком рискуете пропустить какое-нибудь уникальное издание, если будете размышлять две или три недели, купить ли его.

В библиотеках Австро-Советского общества чтение книг, понятно, бесплатно. И в читальных залах нет. Приятно было, когда в Леобене, войдя в помещение библиотеки общества, мы увидели на стенах портреты Горького, Алексея Толстого, Шолохова, Эренбурга и на полках — книги советских писателей в немецких пере-

водах и пустыя места, говорящие о том, что многие книги находятся на руках.

...В Граце нас принимал глава правительств Штирии господин Крайнер. В Клагенфурте нас пригласил на обед глава каринтийского правительства господин Веллинг. Беседа с ним, с его заместителями и с бургомистром Клагенфурта протекала в обстановке взаимопонимания и дружбы. Мы говорили об австрийской и советской литературе, о русских и австрийских композиторах, об исполнительской культуре, хозяева с похвалой вспоминали «Березку» — наш танцевальный ансамбль, который приезжал в Клагенфурт.

День закончился встречей с писателями, учеными, журналистами. И после этого мы еще побродили немного по ночному Клагенфурту, останавливаясь перед зданиями XVI—XVII веков, выстроенными в стиле итальянского Ренессанса и похожими на дворцы венецианских дождей...

Надо сказать, что пейзажи Штирии и Каринтии очень напоминают Грузию. То видны лесистые склоны, словно на Военно-Грузинской дороге возле Пасанаури, то горное озеро. Леопольдштейнерзе напоминало Рицу. Налито, как чаща, до самых краев черной водой, оно окружено крутыми лесистыми склонами. Его можно обойти вокруг — это не больше двух километров. И вот в четвертом — мы с Маркушевичем, секретарь штирийского отделения общества любезная фрау Кинцел и шофер Вальтер Свобода — идем по этой дороге вдоль озера, хотя дорога «приватная», то есть принадлежит частному лицу, о чем гласит специальная надпись на специальном столбе. Но частное лицо отличается от других частных лиц тем, что позволяет бесплатно гулять по своей земле.

В черной воде отражаются лиловые скалы и светлое небо, лачинчатые черные ели и чистый снег окрестных вершин. И вдруг за спиной у нас послышался гул, потом содрогавший грохот, и большая лавина коричнево-белого цвета — камни со снегом, — оседа, потекла с горы по ту сторону озера, поспыпалась, понеслась, заскакала по расщелине, вызывая новые грохоты. Наконец, лавина нагромыдилась внизу, улеглась. И только металась испуганные грохотом птицы.

Оттолк сорвался раз обвал, И с таящим грохотом упал, И всю теснину между скал Загорюлил.

И Терек могучий вал Остановил.

Вдруг, истошая и присмирел, О Терек, ты преврал свой реп; Но задних волн упорный гнев Прощи снегам...

Ты затопил, освирипел, Свои брега...

Эти строки пушкинского «Обвала» пришли тогда на память — цитата легко монтировалась с обвалом и поворачивалась нашей спутнице.

Переходим мостик — в прозрачной воде холодного ручейка, вытекающего из озера, держится, не уплывая, фольклор. И фрау Кинцел вспоминает тут Шуберта — песню «Фольклор» и квинтет его на тему этой же песни. Пушкин и Шуберт. Русская поэзия и австрийская музыка. Грозный обвал и лугливая фольклор в студеную воду потока. А есть в этом, казалось бы, незначимом соседстве глубокая связь, та, что помогает понимать нам друг друга, что связывает народы, соединяет их в общем уважении к культуре и в стремлении ее сохранить. Пушкин давно уже перешагнул границы России, и австрийская музыка в ее лучших симфониях, песнях и операх давно уже не только австрийская. И мы готовы померяться с австрийцами любовью своей к Бетховену или к Шуберту.

На первой странице своей шестой «Пасторальной» симфонии Бетховен написал в посвящении имя русского посла в Вене Андрея Кирилловича Разумовского. Это был любитель музыки, ожививший гений Бетховена в ту пору, когда его еще почти никто не ценит, оказавший поддержку великому композитору в трудные для него годы. Недавно квартеты Бетховена — его 59-е сочинение по счету — называются «русскими». И русские темы звучат в этих квартетах и в Девятой симфонии. Это плод дружбы Бетховена с Разумовским — бескорыстным русским меценатом и почитателем. Другим почитателем Бетховена был Николай Бернгович Гольдцин. По его почину партия одного из капиталистических произведений Бетховена «Торжественной мессы» — «Месса солемини» — была приобретена для Петербурга и впервые прозвучала в России.

Эти факты следует помнить. У нашей австро-советской дружбы большие традиции.

Весело, ярко, занимательно...

Что важно для хорошего эстрадного концерта? Важно, чтобы было весело, ярко, занимательно. Важно, чтобы концерт шел в темпе, чтобы темп этот не замедлялся. Наконец, важно, чтобы зритель после концерта почувствовал себя отдохнувшим, бодрым.

Мне кажется, что концерты чехословацкой эстрады в театре «Эрмитаж» удовлетворяют этим высоким требованиям. В самом деле: слушаете ли вы большой эстрадный оркестр «Беро», или словацкий оркестр народных инструментов заводского клуба национального предприятия «Шогай», малый джаз-ансамбль с его острым чувством ритма, или старинную деревенскую капеллу, или музыкальный ансамбль Арношта Янечека; смотрите ли вы выступления комических экивилиристов Двора Рауль, номер Иозефа Пера с куклой или жонглера Доз Мерс, — вы чувствуете, что целиком захвачены жизнерадостным эстрадным искусством чехов и словаков. И это ощущение не покидает вас в течение всего концерта.

Хорошо воспринимались также выступления солистов оперы Зденека Кроуца и Зденека Швельга, пианистки Мирки Покорной. Выступления эти не утяжелили программу, а скорее всего наоборот — оттеняли «эстрадность» песен Станисла-

ва. Главным редактор Б. РЮРИКОВ.

Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ.

Воспоминание о Вене

Особенно запомнил я Вену в весенний вечер; еще не стемнело, а на фоне ясного неба уже горят разноцветные неоновые огни. Мы идем в театр мимо Карскирхе — черного собора с круглым зеленым куполом и витыми колоннами-башинами, похожими на два минарета. Это, наверно, единственный католический храм, отразивший влияние мусульманской архитектуры.

И еще запомнилась Вена в солнечный шумный полдень — незнакомые улицы, сверы, площади, зелень новой листвы, зеленый налет на бронзе патинированных памятников — конные и пешеходные, императоры, полководцы. Гете, Шиллер, открытые витрины кафе, столики прямо на улице, развернутые листы газет... Многие мужчины в зеленых шляпах с кисточкой, некоторые в кожаных штанах до колен — это национальный костюм.

Первое, что поражает вас в австрийской столице, — оживленное движение на улицах. На следующий день вы уже понимаете: это впечатление преувеличенное. Происходит оно оттого, что заливаете асфальтом улицы и переулочки города очень узки. А машины несутся с большой скоростью. При этом публика часто ходит с тротуаров и идет прямо по мостовой. Изобилие вывесок, плакатов, реклам, разнообразно оформленные витрины, огромные длинные автобусы, множество велосипедов, шумное движение, регулируемое только на больших перекрестках, — все это напрягает, занимает и, я бы сказал, переполняет ваше внимание.

Но шумно только на центральных площадях и магистралях. Сворачивая в сторону, и на тихой маленькой площади старого собора, в нишах — темные от времени фигуры святых, и голуби расхаживают по барнизам. От этой площади, где соседствуют церковь негустот, старое здание университета — ныне Академии наук — и музыкальная школа, в которой юный Шуберт обучался под руководством Сальери, кривой переулочек уведет вас в далекое прошлое Вены.

Такую экскурсию мы совершили под руководством д-ра Отто Лангбейна, историка и вице-президента Австро-Советского общества. Как интересно показывал нам старую Вену! Мы останавливались возле домов, в стены которых вделаны исторические реликвии. В XVI веке турки, осадившие Вену, метали на город огромные камни. Один из таких круглых камней, обязаный накрест крестом, висит в специальной нише между окнами второго этажа небольшого дома, неподалеку от церкви «Мария на берегу».

Одно из старейших и, безусловно, самое знаменитое здание Вены — это Стефансдом, собор св. Стефана. Это лучший памятник средневековой готической архитектуры. Он производит огромное впечатление: его масштабы, высота, стрельчатая башня, сотканная из каменных кружев, его внутреннее пространство — могучие колонны, конусообразные окна во всю высоту собора, разноцветные стекла — светлые, фиолетовые, палевные, прозрачно-голубые, кроваво-красные, — стекла, из которых сложены целые картины и сцены, скульптура, деревянные раскрашенные фигуры, позолота лепных украшений, серебро органа, массивные скамьи для молящихся — все должно доказать, как мал человек в этом огромном пространстве. Но мы, свободные от предрассудков средневековья, обходящая собор, восхищаемся тем, как велик человек, создавший эту архитектуру, этого замечательного пластического искусства.

Я не сказал еще, что входил в делегацию деятелей советской культуры. Ее составляли вице-президент Академии педагогических наук профессор А. И. Маркушевич, действительный член Академии художеств СССР народный художник С. В. Герасимов, чемпионка мира по конькам Р. М. Жукова, член правления ВОСР Ю. М. Брусничкин и я — пятый.

Первую неделю мы знакомились с Веной, потом совершили поездки по стране, разбившись на две группы. Мы с профессором Маркушевичем выехали в Штирию и Каринтию — южные провинции Австрии, граничащие с Югославией и Италией, побывали в городах Грац, Леобен, Капфенберге, Клагенфурте и Филлахе. Мы видели Австрию весной 1955 года — в замечательный период ее истории — и по-настоящему и постоянно ощущали глубокий и доброжелательный интерес к нашей стране и к нашей культуре. И в свою очередь с большим интересом знакомились с землями Австрии, с ее людьми, с ее национальной культурой.

Австрия — родина великих музыкантов. И все напоминает вам об этом. Прежде всего памятники композиторов, имена которых известны всякому культурному человеку.

Мраморный Шуберт сидит, задумавшись, в венском городском парке, и неподалеку от него бронзовый Иоганн Штраус наигрывает на скрипке страстную мелодию своего вальса... Суровый Бетховен разглядывает Бетховенград с высоты своего постаменты, и мраморный Моцарт застыл в улыбку в саду около Хофбурга, словно слушает музыку...

Вы постоянно ощущаете интерес к музыке со стороны людей, казалось бы, с музыкой вовсе не связанных. С кем бы вы ни встретились, о чем бы ни заговорили — о литературе, о школах, рано или поздно вас все равно спросят, каких композиторов Австрия играет в Советском Союзе. В Граце мы с профессором Маркушевичем побывали на математическом факультете университета. Маркушевич беседует с профессором Вендлин о теории функций или о чем-то подобном, а я разглядываю через открытое окно пустынную улицу — острые контуры готических зданий, крутые скаты черепичных крыш, высокие слуховые окна, белые перелеты рам, жалюзи — то, что так отличает от наших австрийские улицы. И вдруг профессор Вендлин спрашивает меня, как я отношусь к Скрапину и Рахманинову, к Шостаковичу и Прокофьеву. Беседа вмиг завязалась. Мы говорим об австрийских композиторах, дошли до Брукнера, Малера, Хуго Вольфа, произведения которых исполняются на советской концертной эстраде... Профессор провожает нас до ворот, машет рукой и ждет, пока мы сядем в машину.

На другой день мы обедем в ресторане гостиницы в Граце; в зале, кроме нас, никого нет. Ради тихонько наиграет вальсы и марши. И вдруг — мужской хор из вагнеровского «Моряка-скитальца»... Официант, заметив, что музыка знакома нам, проворно подбежал и, включив радио на полную мощность, сказал, что Вагнер — не австриец, но это замечательный композитор. И прибавил, чтобы сделать приятное нам: «Чайковский тоже великий музыкант».

Напайте шубертговскую «Фореаль» или симфонию Брамса, — каждый австриец подлетит вам и заговорит с вами о музыке.

Хотя многие выдающиеся исполнители покинули Австрию и переселились в другие столицы, — условия жизни в Австрии для деятелей искусства, говорят, трудные, — за Веной и сейчас еще сохраняется репутация одного из музыкальных центров Европы.

Мы были в Венской государственной опере на «Дон Жуане» Моцарта и на «Кармен». Оркестр и хор в «Кармен» находится на большой высоте. Но из исполнителей отдельных ролей нам, безусловно, понравилась только одна Микаэла — ее партия пела Сена Юричан. Зато «Дон Жуан» был очень хорош: отлично пели, живо играли. В Венской опере Моцарта поют, я бы сказал, «инструментально», с ощущением того, что голос певца — это прежде всего солдирский инструмент. Благодаря этому достигаются та удивительная стройность ансамбля и органическая связь голоса с оркестром, когда они звучат не только одновременно и точно, но как-то особенно согласо и слитно. В Венской филармонии мы слушали Девятую симфонию Бетховена. Дирижировал Карл Бём.

После всего сказанного понятно, почему на многих собраниях Австро-Советского общества важное место занимали музыкальные номера.

В Корнейбурге, небольшом городке близ Вены, основную массу членов местного отделения общества составляли рабочие верфи. После увертюры, которую сыграл оркестр местных любителей, были прочтены речи и прочитаны стихи. А затем выступили самодеятельные рабочие коллективы — ансамбль губных гармоник, на которых играли девушки, старики, молодые рабочие. После них выступал оркестр мажорных, потом исполнители народных австрийских песен. А в конце пел «Хор Венского леса» — мальчики, исполнившие под руководством венского дирижера Карла Этти сочинения Моцарта, Шуберта, Штрауса. После первой песни устроительницы вечера поднялись на эстраду и вручили юным певцам по плитке шоколада. И стояли эти маленькие Моцарты и Шуберты, перекладывая за спиной плитки из руки в руку. И пели чисто и строго. Когда номер кончался, дирижер делал знак: на поклон. И они склоняли головы медленно и во всеместе, так же строго, как пели.

Из этих встреч одна особенно часто приходила на память — встреча с членами Австро-Советского общества в Штирии, в небольшом городке Леобене.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51. Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретаря — К 4-04-62, разделы литературы и искусства — К 4-02-29, внутренней жизни — К 4-84-28, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.